

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ XX в.

Исследование выполнено в рамках проекта № 33.2182.2017/4.6 («Формирование русской культурно-религиозной идентичности: памятники традиционной письменности как символические коды культурной памяти») госзадания МО РФ научным коллективам исследовательских центров и (или) научных лабораторий образовательных организаций высшего образования на 2017–2019 гг.

Рассмотрены старообрядческие эсхатологические сочинения XX в. Сделана попытка определить их место в системе литературного наследия в рамках традиционной культуры. Они являются политическими памфлетами, опирающимися на образы Апокалипсиса, в которых олицетворением сатаны стала советская власть. Рассмотрено шесть сочинений, особое внимание уделено сочинению 1905 г., которое стало одним из первых в этом жанре и задало направление развитию старообрядческой мысли, окончательно оформившейся в советский период.

Ключевые слова: Россия; старообрядчество; эсхатология; советская власть; антисоветские сочинения.

Раскол русской православной церкви во второй половине XVII в. привел к возникновению крупнейшего оппозиционного общественно-религиозного движения России – старообрядчества, которое более 250 лет являлось главным противником официальной церкви и доставляло немало проблем светской власти. Старообрядчество стало не только хранителем и носителем древнерусских культурных традиций, но и дало новый импульс развитию демократической литературы, оставив после себя огромный комплекс оригинальных сочинений, отразивших как общероссийские проблемы существования староверия, так и региональные особенности.

В старообрядчестве XX в. сложилось целое литературное направление, пытавшееся трактовать мировую историю в контексте христианского вероучения через призму событий, последовавших за октябрьским переворотом 1917 г. События первых десятилетий советской власти заставили представителей этого направления крайне критически оценивать весь период новейшей истории. Исходя из традиционных для старообрядцев представлений о пришествии антихриста со времен патриарха Никона, они считали ситуацию XX в. кануном воцарения последнего антихриста или уже его окончательным торжеством. Этот этап земной жизни начался с России, затем в него вступил весь мир.

Определение места этих сочинений в системе литературного наследия в рамках традиционной культуры, их жанровой принадлежности представляет определенную сложность.

Единственной основательной работой, в которой делается попытка разобраться в своеобразии народных эсхатологических представлений Новейшего времени, является монография А.А. Панченко «Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект» [1]. Исследователь значительное внимание уделяет анализу традиционных типов «эсхатологического поведения» («эсхатологические ожидания» и «эсхатологические движения»), рассматривая в первую очередь эсхатологические ожидания на фольклорном материале.

А.А. Панченко выделяет три основные группы интерпретационных мотивов в эсхатологических текстах: техногенные новшества, «общественные

настроения внутри деревенского мира: вражду кровных родственников, пьянство, воровство и т.п. Наступление «последних времен» предвещается разрушением привычных норм общественного порядка», мотивы «более универсального порядка» – представления о малочисленности людей на земле и их физической слабости [1. С. 255–257].

Таким образом, он приходит к выводу: «Представляется, что рассмотренные выше эсхатологические ожидания русского крестьянства, функционировавшие в течение XX в. в форме нарративов о “последних временах”, в существенной степени связаны с процессами аккультурации, воздействия более развитой в техническом отношении культуры на культуру более слабую. Такие процессы, сопровождающиеся изменением социальной структуры и перестройкой аксиологических систем, неизбежно вызывают определенное социальное напряжение» [Там же. С. 261]. При этом, по наблюдениям А.А. Панченко, «антихрист, как правило, не фигурирует в эсхатологических рассказах, записанных во второй половине нашего столетия, что отличает их от текстов конца XIX в.», и причины тому ученый видит в отсутствии «той или иной исторической (псевдоисторической) фигуры, являющейся центральным персонажем легендарного сюжета... место персонифицированного антихриста заменили безличные враждебные силы» [Там же. С. 259–260].

Хотелось бы обратить внимание еще на один тезис из работы А.А. Панченко. Рассуждая о роли эсхатологических учений в христианских деноминациях, он говорит о двух формах их существования: «С одной стороны, представления о конце света и судьбах человечества служат предметом профессиональных толкований Писания, богословских опусов, апокрифической литературы. С другой – эсхатологические представления и верования активно функционируют в не специализированном, фольклорном контексте, подчас оказывая значительное воздействие на процессы повседневной коммуникации» [Там же. С. 251].

Рассматриваемые ниже старообрядческие сочинения не вписываются в предлагаемую А.А. Панченко схему, которую, надо отдать должное ученому, он не абсолютизировал, а соглашался с мнением Р. Крамми о том, что «исследование русского старообрядчества

могло бы способствовать прояснению многих аспектов дискуссии о народной религии» [1. С. 51]. Таким образом, анализ старообрядческих эсхатологических сочинений XX в. является попыткой дополнить картину представлений о миропорядке в рамках традиционных верований, соединенных с бытовыми представлениями.

Старообрядческие эсхатологические сочинения XX в., с одной стороны, следует относить к профессиональным толкованиям Писания, поскольку их авторы хорошо и глубоко знали, понимали институциональную религиозную литературу, были людьми высокого уровня грамотности в рамках традиционной культуры, с другой стороны – из истории создания некоторых из этих сочинений известно, что они формировались и даже какое-то время бытовали в устной традиции, а позднее были записаны авторами. Записанные тексты сопровождаются многочисленными ссылками не только на традиционную христианскую литературу, но и на современную, в том числе светскую, что должно было, по мысли писателей, придать им весомость и авторитетность.

В отличие от фольклорных текстов главной причиной создания старообрядческих эсхатологических сочинений является аккультурация не техногенных новаций, а политических изменений, попытка понять их и объяснить происходящее исходя из уровня своих познаний о мироустройстве. И еще на одно отличие старообрядческой письменной эсхатологии XX в. от фольклорных текстов необходимо обратить внимание: это четкая персонификация антихриста, который предстает в образе советской власти.

Особенно ярко традиция создания эсхатологических сочинений прослеживается у старообрядцев часовенного согласия, сложившегося в Урало-Сибирском регионе.

К числу авторов, работавших в этом жанре, принадлежал Сафон Яковлевич Лаптев (о. Симеон, 1895 – после 1951), зауральский крестьянин, который большую часть своей жизни (с 1919 г.) провел в сибирских старообрядческих скитах и был арестован в 1951 г. во время разгрома силами Министерства государственной безопасности одного из таких скитов [2. С. 239–277]. Однако скитская жизнь не означала полной изоляции от мира. Сибирские крестьяне часто обращались к скитникам за помощью в ходе своих попыток понять и разобраться в перипетиях современной жизни, сформировать свое отношение к власти. Игумен Симеон много беседовал с людьми, поучая и объясняя происходящее. Свои размышления о происходящем в стране и мире он изложил в ряде сочинений. Первое из них, «На союзы», было написано еще до ухода в скит, в 1918 г. Сочинение направлено против кооперации. Эсхатологическое осмысление современности привело Лаптева к выводу, что свержение русской монархии является доказательством приближающегося конца света, это время, когда «востало нечестие». В «союзах» он видит опасность соединения со слугами грядущего антихриста.

Вслед за первым последовали другие сочинения: «Краткая памятная запись нынешних событий о судьбе Древнего Рима» (1924/25), «О пришествии святых

пророков и о последнем антихристе» (1928) и др. В них автор дает обзор политической ситуации в мире начала XX в., кануна революции, формулирует ее «причины» и последствия, выстраивая эсхатологический сценарий.

Ученик С.Я. Лаптева, Афанасий Герасимович Мурачев (1921–2008) продолжил тему учителя. Он предложил свою периодизацию истории, выделив семь этапов. В соответствии с этой периодизацией с 1917 г. начался пятый период, когда стали сбываться пророчества о наказании, уничтожении еретиков. Этот процесс, на его взгляд, стартовал в России, в которой воцарился лжепророк – КПСС. Закончится пятый период атомной войной, и выживут в ней только избранные [2. С. 295–311].

Наконец, самым выразительным и эмоциональным памятником, созданным на эту тему часовенными, является лицевой толковый Апокалипсис уральского старообрядца Владимира Георгиевича Токменина (1932–после 2002), известного под псевдонимом Иродион Уральский, который жил в Свердловской области в г. Нижний Тагил. Свое сочинение он писал с 1974 по начало 1990-х гг. [2. С. 416–425; 3; 4].

Толкование 13-й главы Откровения Иоанна Богослова, в которой говорится о семиглавом и десятирогом звере, выходящем из воды, было положено в основу труда Иродиона. В его представлении зверь – это советская власть, а ее рога – это «руководители партии и правительства». Он пишет: «Семь голов – это Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин, Маленков, Булганин, Хрущев... и дополняются к ним еще трое – Брежнев, Андропов и Черненко и всего их 10». Последний же Антихрист – это малый 11-й рог, который исходит из десяти прежних, Антихрист с пятном в виде шестиконечной звезды на лысине – Горбачев [5. Л. 348, 406]. Рассматривая Россию как территорию, долгое время остававшуюся единственной хранительницей истинной веры, Иродион в духе старообрядческой идеологии считает, что с российских событий, связанных с отступлением от этой веры, и начинается конец света.

Этой же теме посвятил свой труд «Апокалипсические чудовища» [6–9] крупный деятель белокрыницкого согласия епископ Иннокентий (Усов) [10. С. 65; 11. Т. 20. С. 27–30], в миру Иван Григорьевич Усов (21.01.1870–16.02.1942). Значительная часть его жизни связана с нижегородским старообрядчеством. С 1903 по 1920 г. Иннокентий являлся еп. Нижегородским и Костромским белокрыницкой иерархии. В 1920 г. Усов уехал в Румынию, где был поставлен епископом Кишиневским, а в 1940 – Тульчинским.

Литературное наследие еп. Иннокентия достаточно велико, оно насчитывает не один десяток сочинений. В основу его работы «Апокалипсические чудовища» были положены более ранние труды автора, созданные в 1920-е гг.: «Социализм и Христианство», «Оправдание бегства христиан во время гонений», «Почему христиане празднуют воскресение, а не субботу. Ответ адвентистам седьмого дня» и др.

О своем эсхатологическом сочинении Усов писал следующее: «Не толковал Апокалипсиса, а лишь указал, какие символы, аллегории или иносказания этой пророческой книги олицетворяют и изображают

события настоящего времени: указал, кто виновники всех несчастий человечества. И только» [6. С. 97]. И действительно, это сочинение – политический памфлет, опирающийся на образы Апокалипсиса, написанный достаточно хорошим, четким, литературным языком (благодарю А.Г. Гудкова за предоставление электронных копий изданий сочинения И. Усова. – *И.П.*).

Еп. Иннокентий берет три основных образа Апокалипсиса, представляющих темные силы: змия или дракона, семиглавого зверя, выходящего из моря, двурогого зверя, выходящего из земли, и объясняет, какие современные силы, ведущие человечество к гибели, они олицетворяют. Анализу каждой из этих сил посвящена отдельная глава.

Первая глава «Большой красный дракон с семью головами и десятью рогами» посвящена главному врагу рода человеческого, и с ним Усов ассоциирует советскую власть: «Большой красный дракон – непосредственная сила сатаны. Узнать ее в настоящее время совсем не трудно. Скажите сами, читатель, какая организация называется красной. Если не знаете, то спросите, и вам всякий скажет, что красные – это безбожники социалисты или коммунисты. Так они называют сами себя, такими их считают и все люди. Россией сейчас владеют красные. Их армия называется красной. Их флаг красный. Они установили красный террор. И название “красные” они получили не случайно, а потому, что жаждут крови, жаждут кровопролития. Это и есть “большой красный дракон с семью головами и десятью рогами”» [Там же. С. 11]. «...под большим красным драконом или древнем змием разумеется, как сам сатана – непосредственная его сила, враждебная христианству, стремящаяся искоренить его» [Там же. С. 18].

Во второй главе «Зверь, подобный барсу с семью головами и десятью рогами, с ногами медведя и пастью льва» этот зверь трактуется как еврейство с его иудаистской религией. Глава отражает крайние антисемитские настроения автора, она написана в духе «разоблачения жидо-массонского заговора». В своих рассуждениях Усов опирается, активно цитируя, на работы французского философа Ф. Бренье [12], одного из лидеров русского черносотенного движения Н. Е. Маркова [13]. Причем брошюра Маркова «Война тайных сил» является основополагающей. Надо думать, в ней еп. Иннокентий почерпнул цитаты из других книг на волнующую его тему. Он упоминает, например, «Историю евреев», изданную в 1710 г. в Париже на французском языке [14], и «Победу иудаизма над германизмом» немца В. Марра [15]. Вряд ли Усов сам читал их. В «Апокалиптических чудовищах» название книги Марра звучит как «Победа иудаизма над католицизмом». Опосредованно, через Маркова, на страницах работы старообрядческого епископа появляются цитаты из книги Г. Форда «Международное еврейство» [16].

Иннокентий пишет о тесной связи между красным драконом и барсовым зверем: «Социалистическая или коммунистическая безбожническая власть, этот красный дракон, царствующий теперь в России. дал еврейству силу свою, и престол свой, и великую власть. И в самом деле, в подавляющем большинстве у власти там евреи. Их в России насчитывалось ме-

нее одного процента, а у власти и на высших постах с начала воцарения красного интернационала их оказалось девяносто процентов <...> Да и сам-то красный социализм, красный змий, или дракон, вызван к жизни именно евреями: основатели современного безбожнического красного социализма К. Маркс, Д. Рикардо, Лассаль, а возможно, и другие, являются евреями по национальности» [6. С. 41–42].

В третьей главе книги «Зверь с двумя рогами, подобными агнчим» называется еще одна сила зла, зверь с двумя рогами – это протестантизм в целом и наиболее активная, радикальная, по мнению автора, его часть – адвентисты. Адвентисты, нетерпимо относящиеся ко всем вероисповеданиям, проявляли определенную благосклонность к иудаизму, что обеспечивало укрепление влияния евреев во всех сферах жизни общества, считает Усов: «Вместо того, чтобы бороться с барсовым зверем, враждебным всему человечеству, еврейством, стремящимся победить христианство и овладеть всем миром, другой зверь, протестантизм, упорно настаивает на том, чтобы человечество покорно преклонило перед ним и христианство добровольно уступило ему место» [Там же. С. 57].

На фоне этих рассуждений еп. Иннокентия особенно удивительной воспринимается толерантность Иродиона Уральского, крайне редко встречающаяся у старообрядцев. «Если из веры в веру будет человек переходить и запутается, и не узрит антихриста... Не нужно тянуть человека в каждую веру. Вера в Бога одна – умереть за Господа Бога Иисуса Христа и стоять против Антихриста... И из всех обрядов будут спасены...», – писал он [5. Л. 361]. Эти слова Иродиона дополняют наивными умозаключениями по поводу евреев, он считает, что есть «часть жиды и часть израиль». Они Богом разделены на две части, на два класса, значит любая нация делится на два класса, кто будет крепко верить в Христа и Бога и умрет за него или печать не примет антихриста 666 на лоб и то же именуется Израиль. А если против Бога, то именуется жид» [Там же. Л. 390 об.].

И еще один апокалиптический образ связывает Иннокентий с современностью, посвящая ему отдельную главу «Блудница, сидящая на богряном звере, имеющем семь голов и десять рогов». Блудница – это «живая церковь», т.е. церковь послереволюционная, являющая собой «соединение христианства с красным безбожием» [6. С. 80], и главный ее отличительный признак в том, «что она сидит на красном звере, который носит ее туда, куда ему угодно. Она не имеет своей воли, для нее есть только воля зверя, на котором она сидит, но которым управлять не может <...> Под этой блудницей разумеются все вообще христиане, где бы они и когда ни были, которые, оставаясь христианами, работают на разрушение христианства, в пользу – красного зверя безбожия» [Там же. С. 84–85].

Подводя итог своему анализу современности, еп. Иннокентий пишет: «В каком же периоде мы живем? Мы живем, когда излилась шестая чаша гнева Божия, когда апокалипсические жабы, вышедшие из уст красного дракона, барсового зверя и двурогого зверя, или бесовские духи ходят к правителям земли и внушают им делать все, что служит на пагубу хри-

стианства и на погибель человеческого рода. Мы переживаем то время, когда молнии по всем направлениям бороздят темный горизонт политической, экономической и всякого другого рода и вида жизни человечества, когда то там, то здесь раздаются ошеломляющие удары грома, слышатся всевозможные голоса, то угрожающие, то предостерегающие» [6. С. 78].

Тему еп. Иннокентия продолжил его ученик Нестор Иванович Венедиктов из с. Кунич Молдавской ССР, дьякон церкви белокрыницкого согласия старообрядцев [17]. Венедиктов был арестован за антисоветскую деятельность в 1940 г., сразу после присоединения Молдавии к СССР. Его приговорили к высшей мере наказания – расстрелу, но адвокату каким-то чудом удалось добиться смягчения приговора, и Нестор был отправлен на 10 лет в ГУЛАГ, в Норильск. В 1951 г. Н.В. Венедиктов вернулся на родину. В 1952 г. был снова арестован и до 1958 г. отбывал наказание в лагерях Камышина и Норильска. Умонастроения и взгляды на происходящее Нестор отразил в своем антисоветском сочинении, содержание которого, видимо, формировалось в сознании старообрядца в годы его первого заключения, а текст был записан по возвращении, в 1951–1952 гг. Рукопись объемом 256 л. была обнаружена вместе с другими бумагами во время обыска в доме Венедиктова в 1952 г. и стала поводом для его второго ареста. Неполную копию текста этой рукописи из следственного дела удалось получить сыну Н. Венедиктова Ивану. В рукописи, самоназвание которой не известно, автор использовал работы Иннокентия Усова, цитируя большие фрагменты из его сочинения «Апокалипсические чудовища» [Там же. С. 180]. Венедиктов отличает не только советскую власть и православную церковь, но и старообрядческую иерархию: «Но, вот в Буковину вторгнулся Красный змей или Ленино-Сталинская диктатура. Этот зверь разрушил Митрополию в 1946 г. до основания, не осталось камня на камне. Московская же Старообрядческая Архиепископия и все архиепископы и епископы, и все старообрядческое духовенство ни одного протеста не поставили против советского зверского издевательства над святыней, даже ни слова не выразили в защиту своей Митрополии. А наоборот: в помощь этому зверю, на котором сидит, в помощь безбожной власти, Московская Архиепископия организовала денежное пособие в сумме один миллион двести тысяч рублей...» [Там же. С. 181].

Все известные старообрядческие эсхатологические сочинения XX в., представляющие собой сплав оригинальной эсхатологии и политической публицистики с нравственно-этическими рассуждениями и выводами, появились в постреволюционный период. Однако, как показывает находка в фондах рукописных и старопечатных книг Лаборатории археографических исследований Уральского федерального университета, такой тип литературных произведений начал складываться в рамках традиционной культуры значительно раньше. Выявленное сочинение относится к 1905 г., и написано оно было представителем поморского брачного согласия Поволжья, вероятнее всего, из Самары.

Сочинение под названием «О бедствиях и ужасах, окружавших землю русскую и, кто послужил ви-

ною оным» находится в составе сборника, переписанного в 1962 г. Анфимом Максимовичем Каргаполовым [18], известным на Урале старообрядческим деятелем из г. Челябинск. В свое время в ЛАИ УрФУ был передан архив Анфима Максимовича, в котором есть письма из Поволжья, что свидетельствует о его тесных связях с этим регионом и объясняет наличие у него сочинения, созданного там.

Несмотря на то что старообрядчество изначально возникло как оппозиционное движение, оппозиционное не только официальной церкви, но и государству, в силу чего, несомненно, являлось политическим движением, оно не принимало активного участия в политической жизни страны. Его противостояние власти носило преимущественно пассивный характер (главные формы: уход от преследований в отдаленные от властей, труднодоступные места, в XVII – начале XVIII в. самосожжения), лишь некоторые проявления сопротивления имели элементы активности (например, Тарский бунт 1723 г., участие в восстании Пугачева, оборона своих моленных и монастырей при передаче их единоверцам во второй четверти XIX в.). 1905 г. координально поменял отношение старообрядцев к общественно-политической деятельности. Бурные события первой русской революции заставили их включиться в политическую жизнь, они начали предпринимать попытки оказать влияние на происходящее с учетом своих интересов. Эти интересы состояли не только в стремлении к изменению своего гражданско-правового положения как религиозного течения, но и в получении наиболее благоприятных условий экономической деятельности для русской буржуазии, в формировании которой старообрядчество играло заметную роль. Конечно, это включение в политическую жизнь было невозможно без Указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. [19. Т. 25. № 26126] и манифеста от 17 октября того же года, декларировавших установление в России «незыблемых основ гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов» [19. Т. 25. № 26804], а также Высочайшего указа правительствующему Сенату от 17 октября 1906 г. о порядке образования и действия старообрядческих общин [20. Т. 26. № 28424], который был разработан при участии представителей старообрядчества. В поисках политических союзников лидеры староверия присоединялись к различным партиям, преимущественно либерального толка: в первую очередь, к конституционным демократам, в меньшей степени – к праволиберальному Союзу 17 октября, к Партии мирного обновления. Однако входили старообрядцы и в радикальные политические объединения: Союз русского народа, РСДРП. Конечно, их политические предпочтения в разных регионах страны несколько отличались, но это уже детали, выходящие за рамки темы данной статьи. Хорошо известны имена политиков от старообрядчества, членов государственной думы разных созывов, например: австрийцы П.П. Рябушинский и Ф.И. Мельников (Москва), поморцы С. П. Кириллов (Витебская губ.) и В.З. Яксанов (Саратов), беглопоповец В.С. Дрибинцев (Могилевской губ.), часовенные

В.О. Казицын (позднее перешел в единоверие, Екатеринбург), уральские иконописцы Романовы и др. Эти люди выражали свои позиции, отношение к происходящему во вполне светских формах, соответствующих времени. Однако в среде старообрядчества были те, кого не меньше, чем перечисленных выше деятелей, волновало происходящее в стране, но их выражение своих настроений и оценок строилось на основах традиционной культуры. Отношение к современной ситуации они формулировали в средневековых формах, хотя и привлекали новейшие источники. К этой группе людей принадлежал и автор рассматриваемого сочинения. Ему, несомненно, была близка платформа конституционных демократов.

Автор в самом начале сочинения характеризует ужасы современной ситуации (Русско-японская война, начало Первой русской революции 1905 г.), в ходе этой характеристики он ссылается на периодику, труды философов, религиозных писателей, историков, выписки из которых перемежаются цитатами из традиционной литературы, указывающей приметы конца света, «совпадающие» с современными явлениями.

Сочинение начинается словами: «Возлюбленные о господа отцы и братия, и сестры! Мы видим нечто ужасное, совершающее и совершившееся в нашей родной нам отчизне, русской земле! Мы видим страшное и злое восстание друг на друга, от которого потрясены города и селы и человечество сделалось тысячами жертв» [18. Л. 10 об.]. Далее идет большая выдержка из «Воззвания петербургского духовенства», перепечатанного в газете «Сызрань» от 29 октября 1905 г. На тот момент она еще принадлежала либералам, но вскоре перешла к социал-демократам. Автора сочинения это воззвание привлекло своей эмоциональной характеристикой современной ситуации, перекликающейся с его восприятием и оценкой реалий. В частности, в этом воззвании говорится: «Каждый день, каждый час приносит нам известия одно ужаснее другого о том, что совершается на юге и на севере, и на востоке. От кровавых ужасов кровь стынет в жилах, сердце разрывается от боли. Что будет, чем кончится пожар? А что может случиться дальше? Может быть, что содрогнется весь мир» [Там же. Л. 10 об.–11]. Эту характеристику происходящего в стране и мире, данную в воззвании, автор нашего сочинения подкрепляет словами Иоанна Златоуста и пишет: «Знамение сие (т.е. все описанное выше. – *И.П.*) указывает на дни последние, что и глаголет глас божественного писания». И далее слова Иоанна Златоуста: «Восстанет царство на царство и град на град и род на род не возлюбят» [Там же. Л. 11].

В ходе описания сложившейся в стране ситуации много внимания уделено фигуре обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева, в частности приведен фрагмент из статей, опубликованных в газете «Самарский курьер» за 28 и 30 октября 1905 г., которая принадлежала кадетам. Вообще «Самарский курьер» – один из главных источников создателя сочинения. В данном фрагменте из ее публикации Победоносцев характеризуется как «великий инквизитор», «обогривший Россию кровью», «вспомните те гонения, ту дикую травлю, которую предпринимал К.П. Победо-

носцев в своих охотах за старообрядцами, – цитируется в сочинении. – Вспомните, как не удовольствуясь насилием над живыми, он вымещал свою злобу на мертвых, он приказывал ломать гробы и обливать керосином тела старообрядцев и сжигать. И проч. совершал казни и томления. Но теперь его волк взвыл, у которого выпали зубы» [Там же. Л. 14].

В целом ряде других цитат из «Самарского курьера» автор выбирает те, в которых звучат мысли о смене старого режима, о превращении России в демократическое государство «с переносом законодательной власти и власти управления с царя на выборных от народа» [Там же. Л. 9]. Причем в одном месте после упоминания в приведенной им цитате слова «конституция» автор обращается к словарю иностранных слов Н.А. Гавкина [21] и делает выписку с объяснением этого понятия.

Далее после череды цитат из книг Св. Писания и Предания, характеризующих признаки приближения Страшного Суда, автор вновь обращается к описанию ужасов современности, используя цитату из статьи, опубликованной в самой распространенной в России того времени газеты «Русское слово», издававшейся И.Д. Сытыным. Редколлегия газеты изначально позиционировала ее как внепартийную, провозгласив при этом знаменем газеты «Православие. Самодержавие. Народность» [22. С. 1], что, однако, не мешало ей негативно оценивать сложившуюся в начале XX в. ситуацию и политику правительства. Фрагмент, почерпнутый из публикации «Русского слова», заканчивается призывом ко всем «верным сынам России»: «Воистенну, в современное нам время слуги служат и поклоняются временному образованию, принимая на себя дикий нехристианский вит и жестокий характер... Призываю всех верных сынов России вспомнить долг свой пред родиной, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с нами наперечь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле» [18. Л. 17–18].

Кроме прессы в качестве источников автор сочинения использует труд Иоанна Кранштатского «Начало и конец нашего земного мира. Опыт раскрытия пророчеств Апокалипсиса» [23], где приводятся примеры предвестий «мироуражения», доведенные практически до современного ему периода. Причем его несколько не смущает то, что Иоанн, описывая отступления от истинного христианства, которые ведут мир к концу, рассматривает старообрядцев как отступников и ставит их в один ряд с протестантами. Наш автор, конечно, берет другие цитаты, и они наполняются совершенно иным смыслом из-за того, что сливаются с цитатами из газетных статей, которые употреблены без ссылок на первоисточник. Так, например, длинное рассуждение о подвигах «борцов за благочестие, которое Россия унаследовала от Старого и Нового Рима» и противопоставление им борцов за свободу западнического толка, анонимный автор завершает цитатой из Иоанна Кранштатского со ссылкой на него: «Бедные слепцы! Как ловко проводит их лукавый князь мира...» [Там же. С. 126; 18. Л. 25]. В результате складывается впечатление, что весь этот длинный пассаж с воспеванием старообрядцев принадлежит православному священнику.

Еще один весьма любопытный источник нашего сочинения – труд философа В.С. Соловьева «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об Антихристе» [24]. С цитатами из этой работы автор обходится так же, как и с извлечениями из книги Иоанна Кронштатского, вставляет их в контекст газетной фразеологии либо передает общий смысл высказываний философа, дословно воспроизводя лишь отдельные фразы. В частности, он приводит из Соловьева мысли о крушении старых монархий и о борьбе с Азией, по терминологии Соловьева, с «желтой расой». По мысли автора, эти характеристики современного мира тоже свидетельствуют о последних временах земной истории.

При написании сочинения автор обращается и к книге Н. Ф. Каптерева «Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях» [25], откуда цитирует рассуждения историка о теории «Москва – третий Рим».

Завершается сочинение перечислением землетрясений, которые являются «предвестниками последних событий». Ссылаясь на газетные сводки («Новое время», «Биржевые ведомости», «Свет», «Кавказ», «Телеграфное агенство»), автор подробно перечисляет трагедии с указанием места, даты, количества погиб-

ших. Заканчивается этот сюжет следующей фразой: «Это же огненная казнь была, как Содомы и Гоморы, являющая скорый конец мира, как описывает книга «Начало и конец земного мира», о потопе и о содомских городах» [18. Л. 29]. И вслед за этим идет пространная цитата из Иоанна Кронштатского на заявленную тему.

А все повествование заканчивается большим фрагментом третьей книги Ездры с описанием пророчеств о бедствиях, угрожающих грешникам [Там же. Л. 30 об. – 32].

Таким образом, выстраивается целая череда старообрядческих политических сочинений, порожденных революционными событиями XX в. Их религиозный характер не может скрыть антигосударственную направленность: главным признаком наступления последних времен является существующий режим, действия властей. Критика режима в сочинениях нарастала от начала века к его второй половине, т.е. труд нашего анонимного автора является самым мягким в этом смысле, в нем речь идет еще только о приближении последних времен, о предвещии пришествия антихриста, который явится в последующих сочинениях в виде советской власти. Однако сочинение 1905 г. задавало направление развитию старообрядческой мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панченко А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2002.
2. Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Старообрядцы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв. Новосибирск: Наука, 2002.
3. Починская И.В. Родион Уральский – один из последних писателей древнерусской традиции // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2007. № 6. С. 67–76.
4. Ročinskaya I.V. Eine altgläubige Interpretation der Johannesapokalypse aus jüngster Zeit // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2015. № 3. P. 430–443.
5. ЛАИ УрФУ. VII. 315p/5624.
6. Иннокентий (Усов), епископ. Апокалипсические чудовища. Кишинёв: Тульча, 1931 (стеклограф).
7. Иннокентий (Усов), епископ. Апокалипсические чудовища // Церковное обозрение. 1942. № 9–10. С. 6–8; 1943. № 4. С. 7–8; № 5. С. 7–8; № 12. С. 6.
8. Пригарин А.А. «Уроки хронологии»: сочинение владыки Иннокентия Усова «Апокалипсические чудовища» // Британская политика и мир: контуры исторического взаимодействия. К 60-летию проф. Олега Борисовича Демина: сб. науч. ст. / отв. ред. Ю.В. Шахин. Одесса, 2008. С. 8–14.
9. Гудков А.Г. Тайна лицевого гектографа // Посев. 2016. № 6. С. 17–20.
10. Усов И.Г. // Вознесенский А.В., Мангилев П.И., Починская И.В. Книгоиздательская деятельность старообрядцев (1701–1918): материалы к словарю. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1996. С. 65.
11. Агеева Е.А., Боченков В.В. Иннокентий // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 23. С. 27–30.
12. Бренье Ф. Еврей и Талмуд. Париж, 1924.
13. Марков Н.Е. Думские речи. Война темных сил. Париж, 1928.
14. Histoire des juifs, depuis Jesus-Christ jusqu'a present: Contenant les dogmes des juifs leurs confession de foi; leurs variations...: Pour servir de Suppl. & de Cont. à l'Histoire de Joseph. Paris: Roulland, 1710.
15. Marr W. Der Sieg des Judenthums über das Germanenthum. Vom nicht confessionellen Standpunkt aus betrachtet. Bern, 1879.
16. The International Jew: The World's Foremost Problem. Detroit, 1920.
17. Магола А. Исповедники старой веры в Молдавской ССР во времена советского богоборческого режима // Материалы XI Международной научной конференции «Старообрядчество: история, культура, современность». 11–13 ноября 2014 г. М., 2014. Т. 1. С. 170–187.
18. ЛАИ УрФУ. XVIII. 42p/1683.
19. ПСЗРИ. Собрание третье. СПб., 1908. Т. 25. С. 258–261. № 26126 «Апреля 17. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров (Собр. Узак. 1905 г. Апрель 17, отд. I, ст. 526). – Об укреплении начал веротерпимости»; С. 754. № 26803 «Октября 17. Манифест. (Собр. Узак. 1905 г. Октябрь 17, отд. I, ст. 1658). – Об усовершенствовании государственного порядка»;
20. ПСЗРИ. Собрание третье. СПб., 1909. Т. 26. С. 904–914. № 28424 «Октября 17. Именной Высочайший указ, данный Сенату (Собр. Узак. 1906 г. Октябрь 17, отд. I, ст. 1728). – О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах, и обязанностях, входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от Православия сектантов».
21. Словарь иностранных слов / сост. Н.А. Гавкин. В конце XIX – начале XX в. переиздавался 48 раз.
22. Русское слово. 1895. № 1.
23. Сергиев И.И. (прот. Иоанн, Кранштатский). Начало и конец нашего земного мира. Опыт раскрытия пророчеств Апокалипсиса. СПб., 1900.
24. Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об Антихристе. СПб.: Издание Санкт-петербургского т-ва печатного и издательского дела «Труд», 1901.
25. Каптерев Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М., 1885.

Статья представлена научной редакцией «История» 31 августа 2017 г.

20TH-CENTURY ESCHATOLOGICAL ESSAYS OF THE OLD BELIEVERS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 157–163.

DOI: 10.17223/15617793/423/22

Irina V. Pochinskaia, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: poirvi12@gmail.com

Keywords: Russia; Old Believers; eschatology; Soviet government; anti-Soviet essays.

The paper examines 20th-century eschatological essays of the Old Believers, classifies them as the genre of spiritual essays in traditional booklore and determines the origin of this genre. The sources of the research are six essays written in the 20th century by Old Believers of different concords – three were written by *chasovennye*, two by *belokrinitskie*, and one by a Pomorian Old Believer. The introduction of the paper is devoted to determining the features of the genre of Old Believer eschatological essays. To do so, the paper uses the analyses of A.A. Panchenko and S.E. Ninkitina on the problems of folk eschatology. The author has verified their conclusions by applying them to the Old Believer essays in question. Although several essays derive from the folk oral tradition (they were recorded in written somewhat later), they must be examined as written artefacts featuring professional commentary on the Holy Scripture. Unlike folklore texts on similar subjects, the Antichrist is clearly personified in the image of Soviet authority. Brief descriptions of each essay are provided. The authors of the essays were S.Ya. Laptev, A.G. Murachev, V.G. Tokmenin, I.G. Usov, N.I. Venediktov. The paper focuses on essays which have not been subjected to intensive study by other researchers. The focus of the article is on the essay “On the decay and terror which have surrounded the Russian land and who is guilty of this”, which was written by an anonymous author. It was written in 1905 by a Pomorian Old Believer who lived in the Volga region. It is interesting because this piece was one of the first examples of the genre of the Old Believer political pamphlet: this genre was based on images of the Apocalypse. The events of 1905 changed the Old Believers’ attitude to socio-political activity: they turned from mostly passive opposition to active participation in political discussions. The Old Believers combined modern forms of struggle for their interests with traditional ones. Their attitude to modern reality was expressed in medieval forms: this was at the basis of the aforementioned essays. Thus, a series of Old Believer political essays born in the revolutionary events of the 20th century can be traced. Their religious character could not hide their anti-state attitudes. The 1905 essay was one of the first in this series: its criticism of the ruling regime was also one of the softest. Nonetheless, it gave direction to the development of the Old Believer thought.

REFERENCES

1. Panchenko, A.A. (2002) *Khristovshchina i skopchestvo: fol'klor i traditsionnaya kul'tura russkikh misticheskikh sekt* [Christovshchina i skopchestvo: folklore and traditional culture of Russian mystical sects]. Moscow: OGI.
2. Pokrovskiy, N.N. & Zol'nikova, N.D. (2002) *Staroobryadtsy-chasovennye na vostoke Rossii v XVIII–XX vv.* [Chasovennye Old Believers on the East of Russia in 18th – 20th centuries] Novosibirsk: Nauka.
3. Pochinskaya, I.V. (2007) Rodion Ural'skiy – odin iz poslednikh pisateley drevnerusskoy traditsii [Rodion of Urals: one of the last writers of ancient Russian tradition]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 6. pp. 67–76.
4. Pochinskaya, I. V. (2015). Eine altgläubige Interpretation der Johannesapokalypse aus jüngster Zeit [An Old Believer interpretation of Apocalypse in recent times]. In: *Jarbücher für Geschichte Osteuropas*. 3. pp. 430–443.
5. Laboratory for Studies in Archaeography of Ural Federal University (LAI UrFU). VII.315p/5624. (In Russian).
6. Innokentiy (Usov), bishop. (1931). *Apokalipsicheskie chudovishcha* [Apocalyptic monsters]. Kishinev, Tul'cha: Tip. I. Volkovich.
7. Innokentiy (Usov), bishop. (1942). *Apokalipsicheskie chudovishcha* [Apocalyptic Monsters]. *Tserkovnoe Obozrenie*. 9–10. pp. 6–8.
8. Prigarin, A.A. (2008). “Uroki khronologii”: sochinenie vладыki Innokentiya Usova “Apokalipsicheskie chudovishcha” [“Lessons of chronology”: an essay of bishop Innokentiy Usov “Apocalyptic Monsters”]. In: Shakhin, Yu.V. (ed.) *Britanskaya politika i mir: kontury istoricheskogo vzaimodeystviya* [British policy and world: counters of historical interaction]. Odessa. pp. 8–14.
9. Gudkov, A.G. (2016). Tayna litsevo go gekto grafa [A mystery of illustrated hectograph]. *Posev*. 6. pp. 17–20.
10. Voznesenskiy A.V., Mangilev P.I. & Pochinskaya I.V. (1996) Usov, I.G. In: *Knigoizdatel'skaya deyatel'nost' staroobryadtssev (1701–1918). Materialy k slovari* [Typographical activity of Old Believers (1701–1918). Materials for a Dictionary]. Ekaterinburg: Ural State University.
11. Ageeva, E.A. & Bochenkov, V.V. (2010). Innokentiy [Innokentiy]. In: *Pravoslavnaia encyclopedia* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 23. Moscow: Tserkovno-nauchnyy tsentr “Pravoslavnaia Entsiklopediya”.
12. Brenie, F. (1924). *Evrei i Talmud* [Jews and Talmud]. Translated from French by D.M. Grabbe. Paris: Doloy zlo.
13. Markov, N.E. (1928). *Dumskie rech'i. Voyna temnykh sil* [Duma speeches. The war of dark powers]. Paris: Rapid-imprimerie.
14. Basnage, J. (1710) *Histoire des juifs, depuis Jesus-Christ jusqu'à present: Contenant les dogmes des juifs leurs confession de foi, leurs variations... Pour servir de Suppl. & de Cont. à l'Histoire de Joseph* [History of the Jews, from Jesus Christ to the present: Containing the dogmas of the Jews their confession of faith; Their variations: To serve as Suppl. & Cont. to the Story of Joseph]. Paris: Roulland.
15. Marr, W. (1879). *Der Sieg des Judenthums über das Germanenthum. Vom nicht confessionellen Standpunkt aus betrachtet* [The victory of Judaism over Germanism. From the non-denominational point of view]. Bern.
16. Ford, H. (1920) *The International Jew: The World's Foremost Problem*. Detroit: Wayne State University Press.
17. Magola, A. (2014). [Confessors of the Old Belief in Moldavian SSR in times of Soviet anti-religious regime]. *Staroobryadchestvo: istoria, kul'tura, sovremennost'* [The Old Believers: history, culture, modernity]. Proceedings of the 11th international conference. 11–13 November 2014. Vol. 1. Moscow: Tsentr istorii i kul'tury staroobryadchestva im. boyaryni Morozovoy. pp. 170–187. (In Russian).
18. Laboratory for Studies in Archaeography of Ural Federal University. XVIII.42p/1683. (In Russian).
19. Russian Empire. (1908) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. XXV. 26126. St. Petersburg: Gos. tip.
20. Russian Empire. (1908) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. XXVI. 28424. St. Petersburg: Gos. tip.
21. Gavkin, N.A. (1894) *Karmannyi slovar' inostrannykh slov* [The pocket dictionary of foreign words]. Kiev; Kharkov: F.A. Ioganson.
22. *Russkoe slovo*. (1895).
23. Sergiev, I.I. (prot. Ioann Kronshtadtskiy). (1900). *Nachalo i konets nashego zemnogo mira. Opyt raskrytiya prorochestv Apokalipsisa* [The beginning and the end of our earthly world. An experience of Apocalypse prophecy's opening]. St. Petersburg: Leshtukovskaya Parovaya soopechatnya P.O.Yablonskogo.
24. Soloviev, V. S. (1901). *Tri razgovora o voine, progresse i vseмирnoy istorii, so vklucheniem kratkoy povesti ob Antikhriste* [Three talks about war, progress and the end of all-world history, with short essay on Antichrist included]. St. Petersburg: Izdanie Sankt-peterburgskogo t-va pechatnago i izdatel'skogo dela “Trud”.
25. Kaptelev, N. F. (1885). *Kharakter otnosheniy Rossii k Pravoslavnomu Vostoku v XVI i XVII stoletiyakh* [Character of Russian relations to the Orthodox East in the 16th and 17th centuries]. Moscow: tip. L.F. Snegireva.

Received: 31 August 2017